

Джозеф Редьярд Киплинг

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К42

К42 **Киплинг Д.**
Рассказы / Джозеф Редьярд Киплинг – М.: Книга по Требованию, 2013. –
270 с.

ISBN 978-5-4241-3248-3

ISBN 978-5-4241-3248-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

ДЕЛО ОБ ОДНОМ РЯДОВОМ¹

*Перевод И. Бернштейн
Ура! — мы грянем дружно.
И снова.
И еще.
Да здравствует солдатское
Веселое житье!³*

Очевидцы утверждают, что нет более поразительного проявления человеческой слабости, чем массовая истерика в женской школе. Она разражается внезапно, большей частью в жару, среди старших учениц. Какая-нибудь барышня ни с того ни с сего вдруг начинает хихикать, потом на нее нападает безудержный смех, и вот уже она, запрокинув голову, гогочет по-гусиному, и смех ее смешивается со слезами. Если у воспитательницы хватит ума, она строгим голосом одернет ее в эту минуту, и тем дело и кончится. Если же воспитательница мягкосердечная и пошлет кого-нибудь принести водички, очень может быть, что другая барышня начнет тем временем смеяться, глядя на первую, и с ней случится то же. Зараза быстро распространится и может привести к тому, что с добрых полкласса станут смеяться и гоготать дружным хором. Достаточно одной устойчиво жаркой недели, двух чинных прогулок в день, да еще ежедневно баранины с рисом на обед и какой-нибудь особенно придиричивой учительницы, и результат может получиться поистине удивительный.

Конечно, и мать — настоятельница монастыря, при котором воспитываются девочки, и командир британского пехотного полка, оба возмутились бы, услышав, что кто-то осмелился сопоставить их паствы. А между тем в некоторых условиях Томас Аткинс может быть доведен до самой обыкновенной буйной истерики. Он, правда, не проливает слез, но симптомы его болезни не вызывают сомнения, а результаты попадают в прессу, и добропорядочные граждане, не умеющие по большей части отличить винтовку от карабина, требуют: «Отнять у хама оружие!»

Томас — не хам, а по роду своей деятельности, состоящей в охране добропорядочных граждан, должен всегда иметь оружие при себе. Конечно, он не ходит в шелковых чулках и, честно сказать, давно нуждается в новом имени прилагательном взамен того, которым мажет, точно дегтем, без разбора все, чего касается в разговоре; но при всем том он — великий человек. Если сегодня вы величаете его «героическим защитником чести нации», а завтра именуете «грубой и распущенной солдатней», он, естественно, немного теряется и начинает относиться к вам с подозрением. У Томаса нет заступников, кроме всевозможных «теоретиков», нет у него и сочувствующих, если не считать его самого, а сам он не понимает, что с ним происходит.

Это все был пролог. Рассказ же начинается здесь.

Капрал Слейн готовился сыграть свадьбу с мисс Джэнси Мак-Кенна, чья история хорошо известна как в полку, так и вне его. Разрешение полковника было уже получено, солдаты капрала Слейна любили, и были приняты все меры к тому, чтобы придать предстоящей брачной церемонии, как выражался рядовой Ортерис, «шик и блеск». Знаменательное событие было назначено на самый

разгар жаркого сезона, после чего молодые уезжали в горы. Но Слейну этого было мало. Карета у них был наемная, а в наемной карете, он считал, какой уж там «шик и блеск». Невесту это не особенно беспокоило. С помощью жены сержанта она шила себе подвенечный наряд и была занята по горло. В те дни капрал Слейн оставался единственным мало-мальски довольным жизнью человеком на все казармы. Остальным было тошно на свет смотреть.

Да и откуда было взяться веселью? Работы у них кончались к восьми часам утра, и весь день до вечера им только и оставалось, что лежать кверху брюхом, курить армейский табак да клясть на чем свет стоит туземную прислугу. В полдень они получали сытный мясной обед, а потом валились на койки и, подмокая от пота, спали, покуда спустится хоть какая-то прохлада и можно будет прошвырнуться с земляком, чей словарь не превышает шестисот слов, включая пресловутое прилагательное, и чьи мнения по любому вопросу известны давным-давно.

Имелась еще, конечно, солдатская столовая и при ней — «безалкогольный» буфет, где лежали старые журналы; но к какой бы ты ни принадлежал профессии, все равно невозможно читать по восемь часов в день, когда жара — 35, 36 градусов в тени, а к полуночи иной раз набежит и 40. Мало найдется таких, кто способен, даже если разжиться котелком мутного, теплого, стоялого пива и спрятать у себя под койкой, пить по шесть часов кряду каждый божий день. Один попробовал, да помер, и на похороны к нему явился весь полк в полном составе, потому что все-таки занятие. Для холеры или лихорадки время еще не пришло. И людям только и оставалось, что ждать, ждать, ждать и смотреть, как тень от казармы ползет через плац по ослепительно-белому песку. Веселенькая жизнь!

Солдаты слонялись по военному городку — было слишком жарко для игр и даже слишком жарко для того, чтобы предаваться порокам, — и накачивались пивом, и набивали желудки калорийной, богатой азотом пищей, которую для них готовили, и чем больше ели, тем меньше двигались и день ото дня становились взрывоопаснее. Портились характеры, люди подолгу переживали всякие обиды, настоящие и мнимые. Больше-то им думать было не о чем. Изменился тон обычных «обменов любезностями»; если раньше солдат солдату преспокойно говорил, что сейчас расквасит ему дурацкую харю, то теперь лишь делалось утрированно-вежливое замечание, что двоим в военном городке стало тесно и надо бы кому-то одному убраться в такое место, назвать которое не позволяют приличия.

Может быть, конечно, все это были козни Дьявола, но известно, что Лоссон долгое время бессмысленно изводил Симмонса. Какое-никакое, а развлечение. Симмонс с Лоссоном спали рядом и, бывало, целыми днями сидели друг против друга и переругивались. Но при этом Симмонс боялся Лоссона и не отваживался довести дело до драки. Жаркими безветренными ночами он перебирал в памяти обидные слова соседа и половину своей ненависти срывал на бедном уборщике.

А Лоссон купил на базаре попугая, посадил в клетку и спускал ее в прохладную глубину колодца, а сам садился на край и кричал попугаю разные ругательства. Так он научил птицу говорить: «Симмонс, ты — суур», что означает «свинья», и еще кое-какие слова, совершенно не подходящие для печати. Был он крупный, рыхлый и, смеясь, весь трясся, как желе, когда попугай правильно повторял его выражения. Симмонс тоже трясся, но от злости, потому что над ним потешалась вся казарма — этот жалкий пук зеленых перьев так забавно ругался

по-человечески. Лоссон садился к себе на койку, болтая толстомясыми ногами, и спрашивал попугая, какого он мнения о Симмонсе. Попугай отвечал: «Симмонс, ты — суур!» — «Молодчина, попка!» — хвалил Лоссон и почесывал ему хохолок. «Что, Сим, слышал?» А Симмонс переворачивался на живот и отвечал: «Я-то слышал. Да смотри ты не услышь чего».

Мучительными, бессонными ночами, проспав перед этим весь день, Симмонс грезил о том, как он разделается с Лоссоном, и весь дрожал от приступов бешеной ярости. Он то воображал, как забьет его насмерть тяжелыми армейскими сапогами, то думал, что лучше будет проломить ему лицо прикладом, а может быть, прыгнуть ему на спину и тянуть голову назад, покауда не переломится шея. И во рту у него становилось горячо и сухо, и рука тянулась под койку за котелком с пивом.

Но чаще и дольше всего ему мечталось о толстой складке сала у Лоссона под правым ухом. Она привлекла его внимание однажды светлой лунной ночью и с тех пор всегда стояла перед глазами. За эту складку можно было ухватиться и оторвать пол-лица и шен; а можно было вдавить в нее дуло винтовки и одним выстрелом разнести всю голову. По какому праву Лоссон так пыжится самодовольством и благополучием, когда над ним, Симмонсом, потешается вся казарма? Он еще покажет им всем, которые смеются шутке про Симмонса — свинью! Он не хуже других и запросто может отправить, кого захочет, на тот свет одним нажимом пальца на спусковой крючок. А когда Лоссон храпел, Симмонс ярился еще сильнее. Почему это Лоссон спит в свое удовольствие, когда он, Симмонс, часами ворочается, не смыкая глаз, пьет воду и мучается от боли в правом боку, а в висках у него стучит и голова трещит после вечерней выпивки? В подобных размышлениях он провел много ночей, и жизнь утратила для него всякую прелесть. Даже его всегда хороший аппетит притупился от пива и табака. И все время попугай Лоссона продолжал болтать и делать из него посмешище.

А жара все не спадала, и люди день ото дня становились вспыльчивее и раздражительнее. Ночью от апоплексического удара умерла жена одного сержанта, и прошел слух, будто началась холера. Солдаты открыто радовались в надежде, что разразится эпидемия и их переведут в лагерь. Но тревога оказалась ложной.

Это случилось во вторник поздно вечером. Солдаты маялись на галерее в ожидании последней смены караула. Симмонс ушел внутрь казармы, вынул трубку из своего ящика в ногах койки и с силой захлопнул крышку, так что стук раздался в пустых стенах, точно винтовочный выстрел. При обычных обстоятельствах никто бы не обратил на это внимания; но теперь нервы у всех были натянуты, как струны. Люди повскакали на ноги, и двое или трое вбежали в комнату.

— А-а, это ты! — сказали они с глупым смехом, увидев Симмонса на коленях перед ящиком. — А мы было подумали...

Симмонс медленно поднялся с колен.

Случайный звук произвел такое действие, а что получится, если в самом деле?..

— Подумали? А кто вас просил думать? — огрызнулся Симмонс, распаяя себя. — Нашлись тоже думальщики, шпионы чертovsky!

— Симмонс, ты — суур, — сонно хмыкнул на галерее попугай, отзываясь на звуки знакомого голоса. И это все, больше ровным счетом ничего не было.

Струна лопнула. Симмонс попятился, нарочно упал спиной на стойку с ружьями — остальные солдаты находились на другом конце помещения — и выхватил свою винтовку и пачку патронов.

— Не валяй дурака, Сим, — проворчал Лоссон. — Поставь все на место. — Но голос его при этом дрогнул.

Другой солдат нагнулся, снял с ноги сапог и швырнул Симмонсу в голову. В ответ сразу раздался выстрел, он был сделан без прицела, наобум, но пуля угодила в горло Лоссону. Тот без единого звука упал; остальные разбежались.

— Подумали? — орал Симмонс. — Вы меня сами доводите! Это вы меня довели, слышите? Вставай, Лоссон, нечего прикидываться, это все ты со своим вшивым попугаем натворил!

Но в позе лежащего Лоссона была какая-то неподдельность, она убедила и Симмонса. На галерее шумели солдаты. Захватив две пачки патронов, Симмонс выбежал на залитый луною плац, думая вслух: «Ну, погодите! Хоть ночь, да моя. Тридцать патронов — и последний для себя. Вы у меня узнаете, собаки».

Он опустился на одно колено и выстрелил в группу солдат на галерее, но пуля пошла выше и вбуравилась в кирпичную кладку, просвистев у них над головами, и от этого зловещего посвиста кое-кто из молодых солдат стал белее полотна. Ибо, как утверждают специалисты по стрелковому делу, когда в тебя стреляют, это совсем не то, что стрелять самому.

И тогда в них вспыхнул инстинкт преследования. Весть пронеслась от барака к бараку, и солдаты высыпали беглым шагом ловить этого зверя Симмонса, который бежал через кавалерийский плац, время от времени оборачиваясь, чтобы послать пулю и ругательство своим преследователям.

— Я вам покажу, как за мной шпионить! — задыхаясь, кричал он на бегу. — Я вас научу обзывать! Давайте, давайте все сюда, сколько вас там есть! И полковник Джон Антони Дивер, кавалер ордена Бани! — Симмонс оглянулся на офицерскую столовую и потряс винтовкой. — Думаете, вы такой франт и хват, дальше некуда? А я вам говорю, только высуньте свою чертову рожу из этой двери, я вас так изукрашу, во всей армии красивее не найдется. А ну, выходите, полковник Джон Антони Дивер, кавалер ордена Бани! Выходите, полюбуйте на стрелковые ученья! Я в нашем батальоне лучший стрелок! — И в доказательство Симмонс выстрелил по освещенным окнам офицерской столовой.

— Рядовой пятой роты Симмонс на кавалерийском плацу, сэр, имеет при себе тридцать патронов, — пресекающим голосом доложил полковнику сержант. — Палит направо и налево, сэр. Застрелил рядового Лоссона. Что будем делать, сэр?

Полковник Джон Антони Дивер, кавалер ордена Бани, попробовал совершить вылазку, и сразу же у него из-под ног выбился фонтанчик каменной крошки.

— Не надо, полковник, — сказал его помощник. — Мне бы не хотелось таким образом получить ваше место. Он опасен, как бешеный пес.

— Вот и пристрелить его, как бешеного пса, — в сердцах проговорил полковник, — раз он никого не слушает. Подумать только, в моем полку! Будь это Ирландцы, я еще понимаю.

Рядовой Симмонс занял надежную позицию под прикрытием колодца на дальнем конце плаца и вызывал свой полк на продолжение военных действий. Полк не слишком-то рвался исполнить его призыв, ибо мало чести солдату пасть

от пули своего же товарища. Один капрал Слейн с винтовкой в руке пополз по плацу на животе в сторону колодца.

— Не стреляйте, — велел он своим солдатам. — За милую душу в меня попадете. Возьму голубчика живым.

Когда Симмонс сделал передышку и перестал стрелять и орать, стало слышно, что через поле к военному городку едет рессорная двуколка. Это возвращался со штатского обеда командир конной батареи майор Олдайн, по своей всегдашней привычке гоня лошадь во весь опор.

— А! Офицер едет! — закричал Симмонс. — Офицер, чтоб ему подавиться! Ладно, сделаем пугало огородное из этого офицера!

Двуколка подкатила и остановилась.

— В чем дело? — строго спросил артиллерист. — Эй, вы там! Бросьте винтовку!

— Да это Джерри Черт! Проезжай подобру-поздорову, Джерри Черт, я тебя не трогаю, и ты меня не тронь.

Но Джерри Черт вовсе не собирался проезжать подобру-поздорову мимо опасного преступника. Как изощренно и любовно клялись солдаты его батареи, он не ведал страха, а уж кому и судить, если не им, ведь, как известно, когда батарея выезжала в поход, их майор всякий раз лично убивал хоть одного противника.

Он пошел прямо на Симмонса в намерении наброситься на него и сбить с ног.

— Не вынуждайте меня, сэр, — предостерег его Симмонс. — Мне с вами делить нечего. А-а, ты свое? — Майор перешел на бег. — Так вот тебе!

Майор упал, получив пулю в плечо, и Симмонс встал над ним. Он упустил случай расправиться с Лоссоном так, как ему мечталось, но вот теперь перед ним лежало беззащитное тело. Дослать еще один патрон и снести ему голову или расквасить прикладом белое лицо? Он встал в нерешительности, а на другом конце плаца раздался крик: «Он убил Джерри Черта!» Но под прикрытием колодца Симмонс был в безопасности, пока не высовывался, чтобы произвести выстрел. «Я снесу тебе голову с плеч, Джерри Черт, — думал вслух Симмонс. — Шесть да три — девять, да один — десять, значит, у меня еще девятнадцать и последний для меня». И он распечатал вторую пачку патронов. Из-под насыпи колодца на яркий лунный свет выполз капрал Слейн.

— Вижу тебя! — крикнул Симмонс. — Иди, иди сюда, я тебя ухлопаю.

— Иду, — коротко отвечал Слейн. — Натворил ты дел, Сим. Выходи оттуда, и пошли со мной.

— Иди ты знаешь куда, — засмеялся Симмонс, загоня патрон большим пальцем. — Мне надо сначала разделаться с тобой и с Джерри Чертом.

Капрал лежал, распластавшись во весь рост на земле. Винтовка была под ним. Издали, забывшись, кто-то крикнул: «Стреляй, Слейн! Стреляй!»

— Шевельни только рукой или ногой, Слейн, — проговорил Симмонс, — и я расквашу сапогом лицо Джерри Черту, а потом пристрелю тебя.

— Я и не шевельюсь, — сказал Слейн, подымая голову. — Ты небось сам же струсишь, если человек будет стоять на ногах. Ты вот оставь Джерри Черта и выходи со мной на кулаки. Давай, ну? Боишься, собачья душа?

— Не боюсь.

— Врешь, кровосос несчастный! Врешь, мясник жидовский, все врешь!

Гляди! — Слейн отбросил винтовку и встал во весь рост под дулом Симмонса.
— А ну?

Искушение было сильнее Симмонса. Капрал в белой рубашке представлял собою превосходную мишень.

— А, ты обзыватьсь? — заорал Симмонс и нажал спуск. Выстрел не пришелся в цель, и стрелок, в слепой ярости швырнув оземь винтовку, выскочил из своего укрытия и бросился на капрала. С разбегу он занес ногу, целя Слейну в живот, но долговязый капрал знал слабости своего солдата и владел убийственным приемом защиты от такого удара. Он наклонился навстречу Симмонсу и, высоко поджав согнутую в колене правую ногу, встретил его удар, стоя на одной ноге, — так стоят гонды, когда они заняты медитацией. Раздался возглас — капрал повалился на левый бок, в падении захватив ногу Симмонса, голень скрестилась с голенью, и солдат очутился на земле с переломанной берцовой костью.

— Надо было знать этот прием, Сим, — сказал Слейн, поднимаясь и выплевывая землю. И крикнул товарищам: — Эй, идите берите его. Я сломал ему ногу! — что, строго говоря, было неверно, рядовой Симмонс сломал себе ногу сам, вся хитрость этого защитного приема как раз в том и состоит, что чем сильнее бьешь, тем хуже тебе же приходится.

Плачущего от боли Симмонса унесли, а Слейн подошел к Джерри Черту и склонился над ним с подчеркнутой озабоченностью.

— Надеюсь, вы не очень пострадали, сэръ? — спросил он. Но майор был без сознания, и в плече у него зияла большая рваная рана. Слейн опустил на колени и в растерянности пробормотал:

— Да он, никак, помер, ей-богу! Вот дьявольщина, везет же мне.

Однако майору написано было на роду еще много дней, не дрогнув душой, водить в походы свою батарею. Его увезли и выходили, окружив любовью и заботой, а батарейские солдаты всерьез раздумывали, не захватить ли им Симмонса, не привязать ли его к жерлу пушки, а потом выстрелить. Они боготворили своего майора, и, когда он наконец снова появился на смотре, произошла сцена, отнюдь не предусмотренная армейским уставом.

И Слейну тоже досталось немало славы. Пушкари готовы были поить его допьяна трижды в день в течение полумесяца. Даже сам командир полка похвалил его за хладнокровие, а местная газетенка провозгласила его героем. Но капрал нисколько не зазнался. Когда майор предложил ему свою благодарность и денежное вознаграждение, он скромно отвел первую и принял второе. Но со своей стороны у него была просьба к майору, и он ее высказал, предварив несколькими «Прошу прощения, сэръ»: не сочтет ли майор возможным, чтобы свадьбу Слейна — Мак-Кенна украсили своим присутствием четыре батарейские лошади и чтобы именно они везли карету с молодоженами? Майор счел это возможным. Солдаты его батареи тоже. Еще бы! Свадьба получилась на славу.

* * *

— Зачем мне все это надо было? Да из-за лошадей, понятное дело, — объяснял капрал Слейн. — Джэнси с лица не так чтобы красавица, но все равно, куда это годится, — наемные лошади. Джерри Черт? Да не будь у меня своего интереса, по мне, пусть бы Сим расквасил ему голову в манную кашу. Пожалуйста.

И рядового Симмонса повесили — высоко, как Амана⁵, — на пустом полковом

плацу; полковник сказал, что всему виною пьянство, а полковой капеллан уверял, что это козни Дьявола, а Симмонс считал, что и того и другого понемногу, но точно сказать не мог и только надеялся, что его пример послужит наукой другим, а с полдюжины «проницательных журналистов» настрочили шесть прекрасных очерков на тему о распространении преступности в армии.

И никому не пришло в голову сравнивать «кровожадного Симмонса» и закатывающуюся, визжащую школьницу, с которой начинается наш рассказ.

Это прозвучало бы так нелепо!

«ВОРОТА СТА ПЕЧАЛЕЙ»⁶

*Перевод М. Клягиной-Кондратьевой
Что вам завидовать мне, если я
могу достичь небес ценою одной
пайсы?*

Поговорка курильщиков опиума

Это не мое сочинение. Мой приятель метис Габрал Мискитта рассказал мне обо всем этом в часы между закатом луны и утром, за шесть недель до своей смерти, а я только записывал его ответы на мои вопросы.

Итак:

Они находятся между улицей медников и кварталом торговцев трубочными чубуками, ярдах в ста по прямой от мечети Вазир-Хана. Я готов кому угодно сообщить эти сведения, но ручаюсь — ни один человек не найдет «Ворот», даже если он уверен, что отлично знает город. Можете хоть сто раз пройти по тому переулку, где они находятся, все равно вы их не найдете. Этот переулок мы прозвали улицей Черного Курева, но настоящее его название, конечно, совершенно иное. Навьюченный осел не смог бы пролезть между его стенами, а в одном месте, как раз перед тем, как поравняешься с «Воротами», один из домов выступает вперед, вынуждая прохожих протискиваться боком.

На самом деле это вовсе не ворота. Это дом. Пять лет назад им владел старик Фун Чин — первый его хозяин. Он раньше был сапожником в Калькутте. Говорят, что там он спяну убил свою жену. Вот почему он бросил пить базарный ром и взамен его пристрастился к черному куреву. Впоследствии он переселился на север и открыл «Ворота», иначе говоря — заведение, где можно покурить в тишине и спокойствии. Имейте в виду, эта курильня опиума была *пакка* — солидное заведение, не то что какая-нибудь жаркая, душная *чандухана*, из тех, что попадают в городе на каждом шагу. Нет, старик отлично знал свое дело и для китайца был очень опрятен.

Это был маленький одноглазый человек, не более пяти футов росту, и на обеих руках у него не хватало средних пальцев. И все же он, как никто, умел скатывать черные пилюли. Казалось также, что курево ничуть на него не действует, хотя он курил днем и ночью, ночью и днем невероятно много. Я занимался этим пять лет и с кем угодно могу потягаться в курении, но в сравнении с Фун Чином я был просто младенцем. Тем не менее старик очень любил деньги, очень, и вот этого я и не могу понять. Я слышал, что при жизни он успел накопить порядочное состояние; оно теперь досталось его племяннику, а старик вернулся в Китай, чтобы его похоронили там.

Большую комнату наверху, где собирались его лучшие клиенты, он держал чистенькой, как новая булавка. В одном углу стоял Фун Чинов идол — почти такой же безобразный, как и сам Фун Чин, — и под носом у него всегда тлели курительные свечки, но когда трубочный дым густел, запаха их не было слышно. Против идола стоял гроб Фун Чина. Хозяин потратил на него добрую часть своих сбережений, и когда в «Воротах» впервые появлялся свежий человек, ему всегда показывали гроб. Он был покрыт черным лаком и расписан красными и золотыми письменами, и я слышал, будто Фун Чин вывез его из самого Китая.

Не знаю, правда это или нет, но помню, что, когда я под вечер приходил первым, я всегда расстилал свою циновку около него. Здесь, видите ли, был спокойный уголок и в окно иногда веяло легким ветерком с переулка. Если не считать циновки, в комнате не было никакой обстановки — только гроб да старый идол, весь синий, зеленый и пурпурный от времени и полировки.

Фун Чин никогда нам не говорил, почему он назвал свое заведение «Воротами Ста Печалей». (Он был единственный знакомый мне китаец, употреблявший неприятно звучащие названия. Большинство склонно давать цветистые имена, в чем вы можете убедиться по Калькутте.) Мы старались догадаться об этом сами. Если вы белый, ничто не сможет вас так захватить, как черное курево. Желтый человек устроен иначе. Опиум на него почти не действует, а вот белые и черные, те страдают жестоко. Конечно, есть и такие, на которых курево влияет не больше, чем табак, когда они впервые начали курить. Они только подремлют немножко, как бы заснув естественным сном, а наутро уже почти способны работать. И я был таким, когда начал, но я занимался этим весьма усердно целых пять лет, а теперь я уже не тот. Была у меня старуха тетка, которая жила близ Агры, и после ее смерти мне досталось небольшое наследство. Около шестидесяти рупий дохода в месяц. Шестидесят рупий — это не очень много. Воспоминается мне время — кажется, что с тех пор прошло много-много сотен лет, — время, когда я получал триста рупий в месяц да еще кое-какие доходы, работая по крупной поставке строевого леса в Калькутте.

На этой работе я пробыл недолго. Черное курево не допускает других занятий, и хотя на меня оно влияет очень слабо, я даже ради спасения своей жизни не смог бы проработать целый день, как работают другие люди. Впрочем, шестидесят рупий — это все, что мне требуется. Пока старик Фун Чин был жив, он обычно получал эти деньги вместо меня, давал мне из них половину на жизнь (я ем очень мало), а остальное забирал себе. Я мог свободно приходиться в «Ворота» в любое время дня и ночи, курить там и спать, если хотел, и потому не спорил. Я знал, что старик хорошо на мне заработал, но это не имеет значения. Ничто не имеет для меня большого значения; к тому же деньги продолжают поступать из месяца в месяц.

Когда заведение впервые открылось, в «Воротах» нас встречалось всего десять человек. Я, двое *бабу* — они тогда служили в государственном учреждении где-то в Анаркали, но потом их уволили, и они уже не могли платить за себя (ни один человек, обязанный работать днем, не может регулярно предаваться черному куреву в течение долгого времени); китаец — племянник Фун Чина; уличная женщина, каким-то образом добывшая кучу денег; бездельник англичанин — кажется, фамилия его начиналась на «Мак», причем, не помню, — который курил без передышки и как будто ничего не платил (говорили, что в бытность свою адвокатом в Калькутте он на каком-то судебном разбирательстве спас жизнь Фун Чину); другой евразиец, как и я, родом из Мадраса; женщина-метиска и двое мужчин, говоривших, что они переехали сюда с севера. Должно быть, это были персы, или афганцы, или что-то в этом роде. Теперь из всех нас осталось в живых не более пяти человек, но зато приходим мы постоянно. Не знаю, что стало с обоими *бабу*, а уличная женщина умерла после того, как полгода посещала «Ворота», и я подозреваю, что Фун Чин присвоил ее браслеты и носовое кольцо. Но не уверен. Англичанин — тот пил так же много, как и курил, и наконец перестал